

СЕМЕЙНАЯ ТЕМАТИКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Автор: А. В. НОСКОВА

НОСКОВА Антонина Вячеславовна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ (E-mail: avnoskova@mail.ru).

Проблемы семьи и семейно-брачных отношений всегда вызывали особый интерес у социологического сообщества. Не стала исключением и X Конференция Европейской социологической ассоциации. Наряду с экономическим кризисом, арабскими революциями и миграционными процессами семейная проблематика оказалась одной из самых широко представленных на женевском форуме.

Обратимся к статистике. Исследовательский комитет 13 - "Семьи и интимная жизнь" (RN 13 Families and Intimate Lives)- заявил 21 секцию, где было сделано 107 докладов [Geneva ..., 2011: 132 - 139]. Для сравнения: в секциях исследовательского комитета "Экономическая социология" было представлено 59 докладов, "История социологии" - 70, в "Политической социологии" - 98 и в секции "Социальные движения" - 66 докладов.

На что указывают эти цифры? Прежде всего, на огромный интерес европейской социологии к семейной тематике. Но дело даже не в статистике, не в числе секций и количестве участников, а в предметной сложности современной социологии семьи и в появлении новых (особенно для нашего российского восприятия) исследо-

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант N 10 - 06 - 00424-Б).

вательских проблем в отношении семьи и брака. Отметим следующие особенности социологии семьи по докладам европейских социологов (в некоторой степени условно будем ее называть европейской социологией семьи). Во-первых, детализация и конкретика в исследовании семейных проблем европейскими учеными. Во-вторых, заметно, что "наше" понимание семейных и брачных отношений отличается от европейского взгляда на, казалось бы, похожую социальную реальность. Европейский семейный дискурс оперирует категориями, понятиями, смыслами, заметно отличающимися от "наших". Так, в понятие семьи все больше закладывается мысль о вариативности брачных и семейных форм и о семейной жизни как о чем-то неустойчивом и турбулентном. И, в-третьих, видно, как динамично изменяется проблемное поле европейской социологии семьи: появляются абсолютно новые исследовательские темы, институализируются новые направления изучения семьи и брака. Следуя мысли С. А. Кравченко, согласно которой "социология динамично развивается в контексте усложняющейся динамики самого общества" [Кравченко, 2011: 244], можно с уверенностью говорить, что новые дискурсы в социологии семьи есть результат научного отражения современной динамики семейной реальности, нового "витка" семейных трансформаций в начале XXI в.

И, судя по всему, действительно, семейные трансформации начала XXI века можно охарактеризовать как "турбулентные", т.е. бурные, вихревые и расшатывающие основы семьи и супружества. Остановимся на некоторых моментах, которые, с нашей точки зрения, отражают современные новые явления в семейных отношениях.

Трансформационные процессы в семейных отношениях и размывание границ семьи. В XX веке существенно деформировались как сама супружеская жизнь и семейный образ жизни, так и традиционные представления людей о семье и браке. Одним из первых диагнозов современной семье поставил русско-американский социолог П. Сорокин. Его работа "Кризис современной семьи" была опубликована в 1916 г. Согласно П. Сорокину, "кризис семьи" проявлялся в уменьшении числа детей в семье, в снижении брачности и увеличении доли одиночных домохозяйств, в росте числа разводов, в нуклеаризации семьи, а также в снижении родительского авторитета. Ученый писал, что семья превращается "из цельного слитка во все более и более худеющуюи разваливающуюся храмину" [Сорокин, 1916: 162]. Обозначенные П. Сорокиным семейно-демографические тенденции в начале двадцатого века только зарождались (среднее число рождений в то время в России составляло около 7 детей на одну женщину!). Но гениальный ученый разглядел в этих только зарождавшихся социальных явлениях будущие глобальные тренды.

На протяжении двадцатого века эти кризисные тенденции непрерывно прогрессировали. К ним в последние десятилетия добавились плюрализация допустимых форм брака и сексуального партнерства (сегодня более чем в двадцати странах мира признаются однополые союзы), гиперэмансипация женщин и феминизация мужчин (появился даже термин метросексуал), движение "childfree" и замена в США самых дорогих для человека слов "мама" и "папа" гендерно нейтральными понятиями "Parent 1" и "Parent 2".

В результате этих процессов, ранее медленно протекавшие изменения, все ускоряясь, сейчас достигли некоторого опасного состояния, угрожающего устойчивости института семьи и ведущего к размыванию понятия "семья", к утере его социального смысла. Судя по всему, представления о социальной сущности брака и границах семьи уже далеко не однозначны. Приведем один пример. Центральный журнал Национального Совета по семейным отношениям в США традиционно назывался "The Journal of Marriage and the Family". Сейчас он называется "The Journal of Marriage and Family". Отсутствие определенного артикля "the" перед существительным "Family" в данном случае отражает идею, что больше нет одной единственной модели Семьи, но существует многообразие образцов семейной жизни [Cheal, 2008: 4].

Итак, что же есть семья сегодня? В современных условиях изменяющихся смысловых значений семьи и семейных границ все чаще звучит мнение о необходимости

использования сетевого подхода к интерпретации семьи и семейных связей. Эта мысль активно продвигалась и на женевском социологическом форуме. По мнению ученых из Швейцарии *И. Де Карло* и *Г. Аэби*, существует большой разрыв между пониманием семьи, которое основано на демографическом и структурном подходах, и реальными семейными конфигурациями [De Carlo, Aebi, 2011: 316]. В демографическом смысле основной акцент при определении семьи делается на ее состав, который постулируется как проживающие вместе родственники. Состав семьи зависит от стадии жизненного цикла семьи, а также от таких демографических событий как развод, смерть, рождение ребенка. С точки зрения швейцарских ученых "демографический" подход уже не соответствует изменяющейся и усложняющейся семейной реальности. Структурный принцип не учитывает реальных семейных связей и действительных отношений между родственниками. Поэтому в качестве альтернативы структурному подходу предлагается сетевой подход, который, по мнению этих ученых, в ситуации плюрализации брачных отношений лучше реализует свою инструментальную функцию, а вместо категории "состав или структура семьи" следует использовать категорию "семейная конфигурация", что подразумевает иной характер связи между членами семьи [De Carlo, Aebi, 2011: 316]. Эмпирическое обоснование возможности использования сетевого подхода к определению границ семьи дают ученые из Португалии *Р. Уолл*, *Е. Видмер*, *Р. Гувейа*. По результатам португальского общенационального исследования, проведенного в 2010 г., большинство респондентов (76%) считают своей семьей не только проживающих вместе родственников, но и всех близких им людей. Тем не менее, отметим, что для большинства из них (85,4%) близкие люди - это родственники [Wall, Widmer, Gouveia, 2011: 331 - 332].

Репродуктивное поведение, рождение детей и родительство. Размыwanie смыслов и границ семьи обусловлено не только изменением структурных параметров семейных отношений, но и трансформаций репродуктивного поведения, а также сферы родительства.

Исследование репродуктивного поведения как основного фактора рождаемости остается принципиальным вопросом для европейской социологии семьи. Понятно, что острота проблемы обусловлена серьезными демографическими изменениями в последние 50 лет и, прежде всего, спадом рождаемости в странах Европы. Рождаемость в Европе - самая низкая в мире. Во всем мире значение суммарного коэффициента рождаемости (среднего числа детей на женщину репродуктивного возраста) составляет 2,51. При этом этот показатель для Африки равен 4,38; Азии - 2,29; Латинской Америки - 2,14; Северной Америки - 2,01; Океании - 2,41, а для Европы - 1,52 [Национальный...]. По сравнению с рождаемостью на других континентах мира, рождаемость в целом по Европе не просто низкая, а сверхнизкая. Суммарный коэффициент рождаемости в Европе опустился намного ниже значения 2,1 - границы простого воспроизводства.

В чем причины сверхнизкой рождаемости в Европе? Социологи из разных европейских стран (Финляндии, Португалии, Чехии, Швейцарии, Германии и др.) отвечали на этот вопрос по-разному, но в обобщенном виде все сводилось к трансформации репродуктивного поведения европейцев. Так, *Д. -А. Гаутхейр* и *Ванесса Кунья* связали изменение режимов воспроизводства в Португалии с трансформацией репродуктивных стратегий трех поколений португальцев (табл.) [Gauthier, Cunha, 2011: 298].

Ученые аргументированно доказали, что не только сокращение детей в семье следует рассматривать как ключевой тренд демографических изменений. Важен и *рост бездетности*, который в некоторых европейских странах достиг беспрецедентного уровня. Результаты репрезентативного общенационального исследования в Португалии (2009/2010) выявили следующую закономерность: в каждом последующем поколении доля португальцев, к 35 годам не имеющих детей, увеличивается. В первом поколении (G1) к 35 годам бездетными оставались 7% мужчин и 10% женщин, во втором поколении (G2) - 14% мужчин и 9% женщин. В третьем поколении (G3) доля

Таблица. Поколения португальцев, исторические периоды и режимы воспроизводства

Исторический период (переход к зрелости, половому созреванию)	Поколение (когорта родившихся)	Режим воспроизводства (репродуктивная траектория)
Авторитаризм и консервативная диктатура. Культ традиционной семьи	G1 1935 - 1940	Высокий уровень рождаемости; расширенный тип воспроизводства, период, предшествующий контрацептивной революции
1974 г. - Демократическая революция в Португалии. Демократизация семьи и ценностей. <i>Золотой век брака</i>	G2 1950 - 1955	Распространение контрацепции (буквально: pill - противозачаточная таблетка). Снижение уровня рождаемости.
Демократия/Европейский Союз. Плурализация и "приватизация" супружеской жизни	G3 1970 - 1975	Откладывание рождения детей. Очень низкий уровень рождаемости.

бездетных к 35 годам резко увеличилась и составила уже 29% мужчин и 17 % женщин, т.е. по сравнению с первым поколением доля бездетных мужчин возросла в 4 раза, а женщин - в 1,7 раз. (рис.).

Откладывание беременности и рождения детей на неопределенный период времени ученые обозначили как "путь к бездетности" или феномен латентной бездетности. Как выяснилось в ходе [исследования](#), наблюдается смещение мотивов бездетности от "физиологических проблем, проблем со здоровьем", в частности бесплодия, в сторону экономико-финансовых трудностей. Респонденты говорят о *высокой стоимости образования, финансовой неустроенности, боязни потерять работу, недостаточной государственной поддержке как определенных помех к рождению детей.*

Но, конечно, проблема отказа от рождения детей гораздо глубже, нежели финансово-материальные трудности. Ее корень лежит в ценностно-нормативной плоскости. Несмотря на интенсивные трансформации репродуктивных норм за последние сто лет (от многодетности - к среднететности, а затем к малодетности), вплоть до недавнего времени сохранялась базовая репродуктивная норма, обязывающая мужчин и женщин к рождению детей (или хотя бы одного ребенка) и осуждающая добровольную бездетность. Сейчас ситуация меняется. По мнению А. И. Антонова, в ряде европейских стран уже исчезли социальные нормы, которые осуждали добровольную бездетность [Антонов, 2011]. По результатам Европейского социального [исследования](#) (ESS- 2006), более половины респондентов - европейцев из 23 стран (55% от 42000) - не осуждают добровольную бездетность. В некоторых странах этот показатель "зашкаливает". Так, в Дании 94% опрошенных не осуждают добровольную бездетность. Но, "если подавляющее большинство респондентов в той или иной стране уже не осуждают добровольную бездетность, то можно сделать вывод об исчезновении данной социальной нормы в этой стране" [Антонов, 2011]. Похоже, что добровольный отказ от детей становится не исключением (как было еще 30 - 40 лет назад), а скорее массовым явлением и типичной практикой репродуктивного поведения европейцев.

Если нормативное давление уходит в прошлое, что же приходит взамен? Судя по выступлению А. Роткирч, основным регулятором репродуктивного поведения становится спонтанно возникающее *желание* иметь ребенка (baby lust) или нахлынувшее *чувство тоски* по ребенку (baby longing, baby angst) [Rotkirch, Markus, 2011: 298]. Впрочем, эти желания и чувства могут так и не возникнуть в течение всей жизни или вылиться в антижелание - добровольную бездетность и присоединение к движению "childfree" (свободные от детей). В докладе "Желание иметь ребенка и принятие решения о рождении ребенка" приводились результаты репрезентативного [исследования](#) по Финляндии (2007 г.), согласно которым 44% финских мужчин и 50% женщин в

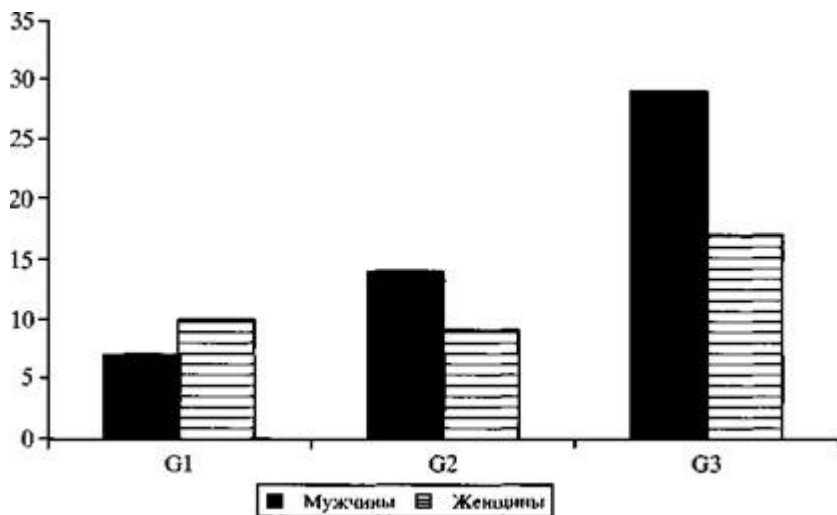

Рис. Доля бездетных к 35 годам португальцев (в %)

возрасте 20 - 59 лет испытывали "тоску по ребенку" один или несколько раз в жизни; 28% и 13% женщин и мужчин соответственно испытывали это чувство большее число раз. Но у 22% женщин и 42% мужчин желание иметь ребенка не возникало ни разу [Rotkirch, Markus, 2011: 298].

Изменения в репродуктивном поведении коснулись не только репродуктивных установок. Трансформируется само понимание репродукции как естественного биологического процесса, а вместе с ним изменяется и понимание сущности семейно-образующих родственных связей. Поясним сказанное. В Европе распространяется родство, альтернативное биологическому и генетическому, - родство социальное (social kinship) и негенетическое (non-genetic). Социальное родство означает воспитание в семье приемных детей, а негенетическое родство происходит от зачатия и рождения детей с использованием новых биогенетических технологий (донорских половых клеток и эмбрионов). Число детей в Европе, рожденных с помощью новых технологий, растет. Например, ученая из Великобритании *П. Нордвист* в своем докладе отметила, что в Великобритании ежегодно рождается 2200 детей, которые были зачаты с использованием биогенетических технологий [Petra Nordqvist, 2011: 316]. Она показала также, что искусственное вторжение в "природу семьи" влечет за собой появление новых социально-психологических проблем для семьи и общества.

Чем вызвано распространение социального и негенетического (донорского) родительства в Европе? Это можно объяснить, во-первых, распространением в Европе так называемых приемных семей, когда детей из "неблагополучных" семей передают на воспитание в другие, "благополучные" семьи. Во-вторых, по-видимому, влияет обострение медико-социальной проблемы женского и мужского бесплодия. В-третьих, влияет и "трансформация интимности" и брачных отношений: теперь можно зачать ребенка вне брака и даже вне интимных отношений. В ряде европейских стран легализованы гомосексуальные союзы и браки. Причем в некоторых европейских странах, например в Бельгии, гомосексуальным парам уже разрешается иметь приемных детей.

Социальные влияния на семейные трансформации. Но не только трансформации семейных отношений размывают границы и социальные смыслы семьи. Этот процесс обуславливают и внешние социальные воздействия на семью. На Женевской конференции особый акцент был сделан на динамичное развитие информационных и коммуникационных технологий как фактора, меняющего характер межличностных

отношений в семье. Профессор *Дж. Вейчман* в своем выступлении о влиянии мобильного телефона на межличностные отношения и коммуникацию в семье, отметила, что разговоры по мобильному телефону, а также активное времяпровождение в социальных сетях "расщепляют" общесемейную коммуникацию. Приведу цитату из ее выступления: "We used to be a nuclear family, but now we are cellular". Дословно переводится как "Мы имели обыкновение быть нуклеарной семьей, но теперь мы являемся отдельными клетками". Этот тезис Вейчман проиллюстрировала слайдом с изображением "расщепленной" семьи: в одной комнате сидят папа, мама и их маленький сын. Они не общаются между собой, но каждый разговаривает по мобильному телефону. Образ такой семьи отражает процесс повсеместной индивидуализации современного общества постмодерна, так называемого "индивидуализированного общества", где для каждого собственные интересы выходят на первый план.

Еще одна внешняя сила, катализирующая семейные трансформации, связана с интенсивными миграционными процессами. Миграционные процессы трансформируют традиционный алгоритм выбора брачного партнера, а также часто приводят к пространственному разделению родителей и детей и к деформации гендерных ролей в семье. Судя по докладам выступавших, разделение родителей и детей на неопределенное время является атрибутом современной европейской мобильности и социальной проблемой [Moskal, 2011: 328]. Появляется новый тип родительства - дистанционное родительство или родительство на расстоянии "distance parenthood".

Луиза Леонини в своем докладе "Чужаки, но итальянцы. Второе поколение молодежи и межпоколенные отношения" отметила, что для Италии становится типичной "женская" миграция из стран Латинской Америки. Женщины-мигрантки часто оставляют детей на несколько лет на свою родину, а сами уезжают на заработки в европейскую страну. Матери становятся своеобразным "банком" для своих детей ("Mothers are a sort of a bank for their children"), т.е. деформируется "экспрессивная" женская гендерная роль. Устроившись в Европе, женщины забирают к себе своих детей. Однако отсутствие матери в период взросления ребенка приводит к эмоциональной отчужденности и невозможности доверительных отношений между ними, что, в свою очередь, является источником развития депривации и распространения асоциальных форм поведения у второго поколения мигрантов.

Может сложиться впечатление, что семьи в ее естественном понимании и смысле больше не существует. Но это не так. Несмотря на распространение новых семейных феноменов, нашедших отражение в докладах Европейской конференции, семья как социальный институт и основная социальная клеточка социума еще сохраняет свою устойчивость и функциональность. Эта мысль обосновывается в изданной в 2010 г. книге *Эрика Д. Видмер* "Конфигурации семьи. Структурный подход к разнообразию семьи" (*E. D. Widmer "Family configurations. A structural Approach to Family Diversity"*). Презентация монографии проходила на Женевском социологическом форуме. Автор считает, что современные семейные отношения нельзя назвать "текучими" или "размытыми". Напротив, сегодня они даже лучше структурированы, чем раньше.

Звучат также и оптимистические прогнозы в отношении рождаемости. В своем докладе с очень оригинальным названием "Создание "норвежской машины рождаемости"" *А. Л. Эллинсетер* отметила, что на протяжении всего двадцатого столетия наблюдалась следующая тенденция: вместе с экономическим и социальным развитием европейских обществ фертильность падала. Однако последние исследования открывают новые перспективы для XXI века: когда развитые страны Европы достигнут очень высокого уровня человеческого развития, тенденция к снижению рождаемости примет обратный ход [Ellinsaeter, 2010: 300]. Демографические данные также подтверждают эту возможность. Коэффициент фертильности в странах Европы, которые занимают первые места в рейтинге стран по Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), выше общеевропейского уровня рождаемости. В Норвегии (первое место по ИРЧП в мире в 2010 г.) суммарный показатель рождаемости в 2009 г.

составил 1,87; в Нидерландах (третье место по ИРЧП в мире и второе в Европе) - 1,76; в Ирландии - (седьмое место по ИРЧП в мире и третье в Европе) - 1,94 [Национальный...].

Таким образом, мнения европейских социологов о семье и результаты **социологических исследований** скорее фиксируют ситуацию сложности и противоречивости семейных отношений, нежели полный крах семьи как социального института. Более того, очевидна сопротивляемость семьи турбулентным процессам.

Отметим также, что на европейском форуме артикулировалась идея о сложности и противоречивости семейно-демографических процессов в *России*, когда на фоне семейно-демографических деформаций сохраняется ориентация россиян на брак и семью [Noskova, 2011: 323]. Само понятие "семьи" у нас не так размыто, как у жителей Европы. В массовом сознании основной части россиян сохраняются представления о "нормативной" семье как о полной (с мамой и папой) семье с детьми. Семья для большинства россиян - это дом, супруги (муж и жена), дети, бабушки и дедушки, общее хозяйство. Данный тезис подтверждает устойчивость установки на официальный брак россиян, а также сохраняющаяся устойчивость семейной структуры населения России.

И в заключение отметим, что желание россиян иметь такую семью и устойчивость российского семейного института - это необходимый ресурс и потенциал для решения демографических проблем в России и сохранения народонаселения нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов А. И.* Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления // Демографические исследования: электронный журнал. 2011. N 12.
URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1965 (дата обращения: 03.11.2011).
- Кравченко С. А.* XVII Всемирный конгресс социологии: движение к сетевому взаимодействию ученых в условиях вневременного времени // Социальная политика и социология. 2010. N 4.
Национальный Институт Демографических Исследований, Франция (INED) URL: http://www.ined.fr/en/pop_figures/countries_of_the_world/ (дата обращения: 03.11.2011).
- Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки, общественной жизни. 1916. N 3.
- Cheal D.J.* Families in today's world: comparative approach. New York, 2008.
- Cunha V., Gauthier J. -A.* Is the Postponement A New Pathway to Childlessness? Outlining The (Un) Reproductive Trajectories Of The Three Generations Of Portuguese Men And Women // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
- De Carlo I., Aeby G.* Family and Stepfamily: Between Structures and Choices Structuring Relationships // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
- Ellinsaeter A.L.* The Making Of The Norwegian Fertility "Machine" // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Programme Book.
- Moskal M.* Polish Migrants In Scotland: Emotional Geographies And Family Well-Being In Transnational Spaces // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
- Nordqvist P.* Sharing Sensitive Information: Negotiating Family Relationships In The Context Of Assisted Conception And Non-Genetic Kinship // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
- Noskova A.* Family and Marriage in the Life Plans of Russians For Present Turbulent Time // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.
- Rotkirch A., Markus J.* Baby Lust and Childbearing Decisions // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book, p. 298.
- Wall R., Widmer E., Gouveia R.* Changing Meanings Of Family And Family Bonds // Geneva, 7 - 10 September 2011, ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times", Abstract Book.